

НАТАЛИЯ ВОЛКОВА

РАЗНОЦВЕТНЫЙ СНЕГ



Наталия Волкова

Разноцветный снег

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38306034

Разноцветный снег : [для сред шк. возраста : 12+] / Наталия Волкова:

КомпасГид; Москва; 2018

ISBN 978-5-00083-426-8, 978-5-00083-200-4

Аннотация

Вот как в жизни бывает: из одной случайной встречи вылилась целая история, напоминающая детектив! 13-летняя Стася столкнулась с Яковом Семеновичем, новым библиотекарем, а тот пригласил ее в литературный кружок. Конечно, Стася позвала с собой и Ромку – хорошего друга, у которого в семье случилась беда, – чтобы как-то отвлечь.

«Нарисуйте на одном листе снег, а на другом – ночь», – такое странное задание Яков Семенович дал на первом занятии. И надо же, все справились с ним по-разному! Были и другие удивительные задания – например, покопаться в истории Антона Петровича Старцева. Это тот самый предатель, которого в О-жске помнят с войны. Казалось бы, про Старцева все давно известно, но библиотекарю Якову Семеновичу удалось достучаться до подростков и правильно поставить главный вопрос: «А предатель ли Старцев?» – и жажда справедливости по-настоящему оживила ребят. Стася с друзьями обнаруживают недостающие детали

пазла – детали, ради которых стоит даже тайком пробраться в кабинет директора... По мере движения к разгадке главной интриги читатель, как и герои повести, примеряет на себя судьбы многих людей. Прошлое оказывается сложнее, чем представлялось, да и настоящее тоже.

«Разноцветный снег» – произведение затягивающее и вместе с тем тонкое, требующее пауз на размышление. Повесть Наталии Волковой вошла в финальный список премии им. В. П. Крапивина – 2017 и удостоена специального приза от екатеринбургских библиотек.

На счету Наталии Волковой (родилась в 1977 году) десятки популярных книг для детей и подростков, многочисленные премии и победы в конкурсах (им. А. Толстого, им. П. Ершова, им. К. Васильева, им. С. Михалкова и др.). Она создает не только художественную прозу и стихи, но и нон-фикшен: ее энциклопедиями зачитываются школьники по всей России. Умение превращать обширную коллекцию фактов в занимательный текст помогает писательнице и в повести «Разноцветный снег»: книга и увлекает так, что не оторваться, и призывает внимательнее взглянуть на исторические события.

Содержание

От автора	6
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Наталия Волкова

Разноцветный снег

© Волкова Н. Г., текст, 2018

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2018

* * *

*Памяти любимой мамы, без которой ничего бы
не было*

От автора

Дорогие читатели!

Нам сейчас очень трудно представить, каково это было – жить в войну. Ничего удивительного: те, кто были детьми в 1940-е, и вообразить не могли жизнь при Александре II; те, кто будет ребенком через 70 лет, с трудом поймут наше время.

Я тоже не смогла бы даже отдаленно представить, какой была жизнь маленького оккупированного города в Великую Отечественную, если бы не моя бабушка. Все детство я слушала ее поразительные рассказы о городке Острогожске, рисуя в воображении его улочки, площади, палисадники и церкви. Я все расспрашивала и расспрашивала ее, пытаюсь осознать, что это значит – видеть, как к тебе врываются незваные гости, принимаются тобой командовать, угрожать, требовать чего-то. Зоя Николаевна Кудинова – так зовут бабушку – вспоминать об этом не любит.

Бабушка родилась через 8 лет после революции и за 16 лет до войны. Детство было счастливым и безмятежным: большой дом, любящие родители, двое братьев.

Но война и оккупация все разрушили: мальчишки-одноклассники погибли, папа подорвался на mine в собственном саду, мама умерла от тифа, старший брат ушел на фронт. Дом опустел, и бабушка осталась одна с младшим братом;

тогда-то в город и пришли фашисты.

Из документов, которые доступны сегодня, ясно: оккупированные территории призваны были служить гитлеровской Германии источником продовольствия и сырья. А люди – дешевой рабочей силой. Согласно преступному приказу Вильгельма Кейтеля от июня 1941 года, жители оккупированных поселений не имели права самовольно уезжать, опаздывать на работу, непочтительно относиться к солдатам вермахта и СС, не говоря уже о том, чтобы укрывать евреев. Все это жестоко каралось: тюрьмой, а чаще – смертью.

Нацистское командование боялось восстаний и неповиновения, а потому каждый новый приказ был страшнее предыдущего, оставляя людям все меньше надежды. Малейшее подозрение в шпионаже, ничтожное нарушение правил, одно неверное слово – расстрел. На убийство офицера фашисты отвечали уничтожением целой деревни. Доносы и служба на оккупационную администрацию, напротив, поощрялись.

В основном люди стремились выжить, и более ничего. Они продолжали работать и вели, насколько это возможно, привычный образ жизни, веря в то, что скоро придут «наши» и избавят от несчастий. Для каждого это было испытанием, и всякий справлялся с ним по-разному. Понять, кто твой подлинный друг, а кто может предать, нелегко. Как в критической ситуации поступит знакомый? А как – ты сам? Этими вопросами и задаются герои повести «Разноцветный снег»: быть может, впервые в жизни они попытались в дета-

лях представить, что происходило в их родном городе много лет назад.

Я попыталась представить, каким мог быть Острогожск в Воронежской области, но не уверена, что сделала это правильно, что точно поняла переживания живших здесь в войну. Поэтому в книге город стал просто О-жском – и, утратив сходство с прототипом, превратился в собирательный образ провинциального поселения, пережившего оккупацию. Таких в России пугающе много. Как, наверное, и историй вроде той, что вам предстоит прочитать.

Двенадцать лет ни о чем тебя не просили,
теперь ты взрослый, вот первая просьба. Что же,
мой милый мальчик, если ты только можешь
не стать мессией, не становись мессией.

Я знаю восторг и блаженство этой забавы,
я знаю, как обольщает она и манит.
Мой мальчик, каким бы ты ни был могучим магом,
не надо кормить мегаполис пятью хлебами.

Не потому, что очнешься потом в больнице
или, там, пекарю нечем станет заняться.
А потому, что потребуют объясниться.
Так и будешь ходить всю жизнь,
объясняться.

Ася Роршах

Глава 1

В квартире пахло жареной курицей. Я почувствовала ненавистный запах еще на площадке перед дверью, зажала нос и постаралась как можно тише проскользнуть к себе в комнату, пока меня не засекала Тоня. Я научилась бесшумно удирать из квартиры и незаметно возвращаться. Утром, пока родители еще спали, я в одних носках, как на коньках, скользила по гладкому паркету, зажав туфли в руке. Потом, будто взломщик, по миллиметру всовывала ключ в замочную скважину и, почти не дыша, приоткрывала входную дверь. Тут тоже имелись свои секреты: дверь надо было слегка приподнять и только потом медленно открывать, иначе она могла предательски скрипнуть.

А сейчас мне предстояло, наоборот, тихо вернуться из школы. Движения отточены, слух натренирован: хоть в джеймсы бонды подавайся. И вот я в своем логове. Можно перевести дух, плюхнуться на диван и лежать, уперев ноги в стену. На полках – фэнтези, на стенах – плакаты, над столом – фигурки из «Властелина колец» и герои Миядзаки. Ну, привет, Мононоке, давно не виделись. Если меня сейчас увидит прабабушка – в школьной одежде, на кровати с задранными ногами, – то будет торнадо. Или ураган Тоня. А сейчас Тоню злить нельзя, потому что у кого еще просить денег? Родители вернутся из своей Москвы только к концу недели,

до бабушки не доехать. Остается один-единственный вариант – Тоня. Она, конечно, сейчас же начнет расспрашивать, что, да как, да кому это надо. А потом будет осуждать: мол, сами виноваты. Можно подумать, кто-то застрахован...

По правде говоря, поначалу я и сама подумала, что Ромкины родители виноваты, но потом увидела его маму.

* * *

Мы с Ромкой никогда не дружили, просто перекидывались парой фраз на уроках, потому что сидели вместе, и несколько раз созванивались, да и то лишь потому, что англичанка задавала диалоги на дом. У нее была идея фикс, что класс надо сдружить, что это полезно для языкового общения, вот она и придумывала всякие задания, которые хочешь не хочешь, а приходилось делать сообща. До сегодняшнего дня я вообще про Гаврилова ничего не знала: где живет, есть ли у него братья-сестры. А сегодня он явился в школу без портфеля – и сразу к учительнице. Он говорил очень тихо, а вот Марина Владимировна аж вскрикнула:

– Да ты что?! Ромочка, какой кошмар. Иди, конечно.

Как только Гаврилов ушел, все вопросительно посмотрели на классную.

– Беда у них, ребят. Ромкина сестра вывалилась из окна. Невысоко, первый этаж, но голову поранила. В общем, она в больнице, без сознания.

Класс застонал, а потом загудел. Кто-то выкрикнул с задней парты:

– Ромкиной сестренке три года ведь? Никто не смотрел, что ли?

– Да эти мелкие везде лезут, за ними не усмотришь.

– А если бы это десятый этаж был?!

– Может, чем помочь надо? – спросила Соня Певченко.

– Может, и надо, – задумчиво сказала Марина Владимировна. – Я позвоню после урока Роминой маме, спрошу.

А после уроков был незапланированный классный час.

– Значит, так, – сказала Марина Владимировна, – помощь нужна. Материальная. Поэтому мы сейчас в школе объявление повесим и напишем счет, на который можно деньги для Роминой семьи переводить. Ситуация, ребят, аховая: Леночке, Роминой сестре, сделали рентген головы – обнаружили отек. Вы же знаете, у нас в городе больница не очень оснащенная, надо в центр везти к хорошим специалистам. А на это, сами понимаете, нужны деньги. Так что вы дома поспрашивайте, может, кто-то сможет помочь. И еще. Вы же у меня люди компьютерные, в интернете все сидите? «Вконтакте», там, «инстаграм», «вотсап»? Сможет кто-нибудь объявление разместить? Соня? Вадим? Вот только Ромина мама справки от врачей копирует, чтобы их вместе с объявлением выложить, а то сейчас столько жуликов развелось, Господи, помилуй.

Уже на лестнице я столкнулась с Ромкиной мамой. Прав-

да, я не знала, что это она, но сразу почему-то догадалась. Может, потому что она сжимала какие-то бумажки, а может, потому что чем-то смутно напоминала Ромку. Точнее, это, наверное, Ромка напоминал ее.

– А где здесь седьмой «В»? – тяжело дыша, спросила она, схватившись за перила. – Я к Марине Владимировне.

В кабинет я за ней, конечно, не пошла, осталась у двери. Голос Ромкиной мамы то взвивался вверх, то был почти не слышен, и до меня долетали только отдельные слова.

– Прямо головой... говорят, отек... на минуту отвернулась... я квартиру продам, только бы спасли...

Было как-то неловко стоять там и подслушивать – казалось, что лезешь в чужую беду, которая хоть и рядом совсем, а все равно тебя не касается. Где бы достать денег, вот в чем вопрос... С мамой еще можно договориться, но мама далеко. Уезжая, она мне сказала:

– Стася, присматривай за бабушкой, а то она может чудить.

Я бы, может, и восприняла это всерьез, но потом услышала их разговор с Тоней:

– Присматривай за Стасей, пока нас не будет; у нее переходный возраст.

Глава 2

Я лежала в комнате и думала, что надо пойти и поговорить с прабабушкой. Не монстр ведь она. Хотя да, суровый вид Тони мог напугать кого угодно. И как только у такой маленькой пухлой старушки мог быть такой колюще-режущий взгляд? Ростом Тоня даже меньше меня, хотя и я не гигант, прямо скажем. Про таких говорят «метр с кепкой», но у нее была удивительная особенность: даже на громадного собеседника Тоня умудрялась смотреть как бы свысока. Мама говорит, это от того, что бабушка всю жизнь начальницей проработала и, хотя она уже двадцать лет на пенсии, взгляд сохранился. Под этим взглядом в сочетании с поджатыми тонкими губами и острым, «лисыим» носом хотелось присесть в глубоком реверансе и сказать: «Слушаюсь, Ваше Величество!» Кстати, какое-то неувловимое сходство с английской королевой у нее тоже имелось. Даром, что ли, они в один год родились?

– То-о-о-ня, – позвала я громко, потому что слух у нее в последнее время становился все хуже.

В кухне клубился туман от пытящих кастрюль и шипящей сковородки. Прабабушку не сразу и заметишь здесь. Но вот она вынырнула, как ежик из тумана, и схватилась за сердце:

– Стаська! Напугала! Я чуть всю перечницу в суп не сы-

панула. Разве можно так подкрадываться?

С чего начать разговор? Как вообще начинают подобные разговоры?

– Тоня, а ты не могла бы у родителей попросить для меня денег? – я решила начать с места в карьер. И присела на табуретку, съежившись, как перед уколом, в ожидании бабушкиного вердикта.

Бабушка насторожилась и открыла форточку.

– Денег? Ты хочешь что-то купить?

Конечно, я могла и соврать. Сказать, что да, мне просто позарез нужны сережки, коньки, интернет-игра, в конце концов. Кстати, именно игра спасла бы положение – не надо было бы отчитываться и демонстрировать коньки. Если бы я только могла соврать! Но в том-то и дело, что я не могла, не умела, сколько раз ни пыталась, все равно сама себя выдавала. Наверное, это у меня какой-то физический дефект. Стоило соврать, как тут же начинала кружиться голова, лицо покрывалось пятнами и горело, а я признавалась, что сказала неправду.

– Не совсем, – протянула я уклончиво, – надо помочь одному человеку.

Я видела, как переменилась бабушка, будто маску надела. Ее лицо стало непроницаемым, губы вытянулись в тонкую линию, а взгляд, который минуту назад был любопытным, стал пустым и чужим. Ну, вот и все.

– Кому? – холодно спросила она.

Я уже понимала, что это бесполезно, но все-таки вяло рассказала про Леночку, про срывающийся голос Ромкиной мамы в кабинете Марины Владимировны, про непривычно тихого Ромку.

– Совсем родители за детьми не следят, – помешивая суп, сказала бабушка. – Бедный ребенок, как пить дать инвалидом останется, если вообще выживет.

Я с надеждой вскинула голову: может, я ошиблась и бабушка поможет?

– Им деньги нужны на обследование, – напомнила я тихонько.

– Ну, вот пусть теперь и ищут спонсоров, раз не смогли ребенка уберечь.

Конечно, я ждала такого ответа, но все равно не выдержала.

– Как ты можешь? Это же несчастный случай! А если бы это со мной? Да и вообще ты всегда меня учила быть доброй, помогать близким.

– Вот именно: близким, – повысила голос бабушка. – А много ты близким помогаешь? Давно посуду последний раз мыла? А в магазин я тебя сколько раз просила сходить? Что ты отвечаешь? Занята! Уроки! Хорошо быть добренькой за чужой счет: родители должны вкалывать с утра до вечера, а ты будешь деньги кому попало раздавать?

Я буквально задохнулась то ли от несправедливости, то ли от тяжелого куриного запаха.

– При чем тут это? Люди в беде! И не кто попало. А Ромкина сестра!

– Людям твоим головой надо было думать. А не ждать помощи теперь. Проще простого ходить и побираться. Я никогда ни у кого не просила денег! И никто мне никогда не помогал. Только наоборот.

– Поэтому и не помогали, что ты жестокая, – я уже кричала на весь дом, – ты злая, ненавижу тебя!

Я схватила тарелку и швырнула на пол, осколки разлетелись по всей кухне, но этого мне показалось мало, хотелось как-то наказать бабушку, и я сжала ладонь с осколком. Пусть кровь, пусть Тоня видит, какая она жестокая. Я сдернула с вешалки куртку и выскочила за дверь. Теперь я не старалась закрыть ее бесшумно – наоборот, шарахнула так, что штука-турка посыпалась.

Глава 3

Я сидела на лестнице и плакала, и мне было все равно, что происходит вокруг. Я слышала, что по лестнице кто-то бежал. Я даже не подумала, что меня за поворотом совсем не видно и тот, кто бежит вниз, скорее всего, натолкнется на меня. Так и вышло.

Какой-то человек круто повернул на последнем лестничном пролете и, не успев сбавить скорость, врезался прямо мне в спину.

– Зараза! – Он споткнулся, пытаясь резко сменить траекторию, но это было не так-то легко на большой скорости. Если бы не схватился за поручень, точно бы упал. Уже проскочив ниже, мужчина обернулся. Я даже не шевельнулась – уткнулась подбородком в кулак и так и сидела. Наверное, он заметил у меня окровавленную салфетку. – Эх, теперь без разборки на работе не обойдется, – тоскливо пробормотал он и вернулся на несколько ступенек.

Я уже не плакала. Кажется, у меня вообще кончились слезы, осталась только космическая чернота внутри. Сколько я сидела тут? Ищет ли Тоня? Ну и пусть ищет, пусть мучается. Какая разница? Мужчина подошел ближе. Ну, сейчас начнется: «Девочка, что ты плачешь? Что случилось?»

– Барышня, вы нарочно препятствие людям строите, чтобы они к соревнованиям готовились? Бег с барьерами? Мо-

жет, вам лучше на стадион перебраться?

От неожиданности я подняла голову. При чем тут соревнования? Человек смотрел на меня с интересом, словно чего-то ждал. Я молчала. Тогда он продолжил:

– А может, вы каратистка? Пытались рукой пробить стену, но та оказалась слишком прочной? Тогда могу дать телефон хорошего тренера по карате, он даже кирпичи научит разбивать. Дать?

Я смотрела на него как на сумасшедшего. Может, лучше пойти домой? Кто знает, чего он хочет.

– Ладно, не надо так не надо, – улыбнулся странный мужчина, а потом стал рассказывать, будто меня это интересовало: – Эх, никогда не любил лифты. Это меня и подвело. Лифт надо ждать, а ждать я тоже не люблю. И что самое интересное, всегда ведь спешу, но при этом всегда опаздываю. И работаю-то я теперь рядом с домом, можно сказать, в соседнем подъезде, а все равно опаздываю. Может, это потому, что раньше я жил в большом городе, а чтоб начать жить на новый размеренный лад, привычка нужна. Вы замечали, что люди в маленьких городках не только ходят медленней, но и разговаривают с большими паузами, будто у них впереди лет сто свободного времени и его можно заполнить взглядами, запахами, дождем, рекой? Замечательная у вас тут речка Тихая Сосна. Спокойная. Ради всего этого я и выбрал ваш городок. В моем возрасте все стараются из таких мест в Москву сбежать, а я, наоборот, сюда прибился. Но, знаете, иногда

хочется прошлое запаковать, как старую одежду, в полиэтиленовый мешок и свалить в ближайший мусорный бак. Знакомо? Вот и я тоже сыт по горло большими городами, большими возможностями, большими людьми...

Он помолчал, потом посмотрел на телефон:

– Опять опоздал, уже пять минут как должен быть на работе. Если что, меня зовут Яков Семенович, и я всегда рад поболтать. А вас как?

Я решила, что пора уходить: все-таки в меня с младенчества вдолбили, что с незнакомыми разговаривать опасно. Уж лучше жестокая Тоня, чем этот Яков Семенович. Я поднялась и повернула наверх.

– Заходите, ладно? Я в библиотеке работаю, в детском отделе. Здесь, в соседнем доме. У меня есть книжка специально для вас. Сегодня мы открыты до шести...

Глава 4

Вернувшись домой после встречи на лестнице, с Тоней я больше не разговаривала – закрылась в своей комнате на замок и просидела там до вечера. А о чем с ней разговаривать? Все равно никогда меня не поймет. Еще и с родителями придется объясняться, когда приедут. Бабушка обязательно им все расскажет: как я нахально денег просила и как потом грубо через дверь кричала, чтоб она отстала, что есть, мол, не хочу и лучше с голоду умру. Потом взяла какой-то обрывок и накарябала на нем больной рукой записку: «Ушла в библиотеку за книгой по биологии». Теперь можно долго не появляться.

Хоть библиотека у нас и в соседнем доме, я почему-то там никогда раньше не бывала, то есть, кажется, приходили на экскурсию с детским садом, и все. Я зашла в полутемное помещение с длинным коридором, из которого в разные стороны отходили светлые залы-норы. Я и не помнила, что здесь столько закутков, куда можно забиться с книжкой или планшетом, и никто не помешает. Я пошла по изгибающемуся коридору и вдруг услышала из-за одной из дверей:

– Ну, Яков Семенович, что вас сегодня задержало? – говорила, похоже, начальница этого заведения. Как она у них называется: директор, заведующая? Я осторожно выглянула из-за угла. Начальница стояла спиной, перегородив своей

внушительной фигурой весь дверной проем.

– Простите, Елена Георгиевна, заработался, – раздался голос Якова Семеновича откуда-то из глубины кабинета.

– Работа ваша здесь, если вы забыли, – склонив голову набок, сказала заведующая.

Кабинет начальницы, кажется, был просторный и светлый, но мне он почему-то напоминал подземелье.

– В общем, так. Нам нужна массовая работа. Чем больше привлечем читателей, тем лучше. Классы, группы, мероприятия. Налаживайте связи с детскими садами и школами. А потом ваша задача – заставить всех этих детей полюбить книги.

– Заставить полюбить?! – голос Якова Семеновича казался очень удивленным. – Вы сами понимаете, о чем говорите? Это же оксюморон¹.

Спина заведующей напряглась.

– Как можно заставить полюбить? – продолжал Яков Семенович. – Да еще и книгу! Да еще и тридцать детей одновременно. Нет уж, увольте.

– Уволим непременно. Если вы не будете справляться. Заставить можно. И нужно. А как – это уже ваше дело, вы же педагог. Они сейчас читать не любят и не хотят. Значит, надо заставить полюбить. Понятно?

– Но это же глупость, Елена Георгиевна. Вы вот любите сырую рыбу? Нет? А давайте я заставлю вас ее полюбить.

¹ Оксюморон – совмещение несовместимых понятий.

Буду насильно кормить, и вы, конечно, тут же ее полюбите.

– Ваши колкости совершенно неуместны, – прошипела заведующая, – от вас требуется массовая работа, ясно?

– Когда я шел сюда, я думал, что буду заниматься в литературном кружке с группой детей, которым интересно.

– Это каждый дурак может – с теми, кому интересно. А вы попробуйте с теми, кому неинтересно.

Яков Семенович сник.

– Можно хотя бы оставить себе литературный кружок?

– Да пожалуйста. Но в свободное от основной работы время.

Глава 5

Похоже, разговор сворачивался. Мне совершенно не хотелось попадаться на глаза Якову Семеновичу, а тем более заведующей, поэтому я, нахлобучив шапку, выбежала из библиотеки. Потоптавшись на пороге, опять зашла внутрь и направилась в дальний конец коридора, туда, где выдают книжки. Стоя спиной, Яков Семенович рассеянно перебирал карточки. Он, наверное, почувствовал сзади движение и на мгновение замер. Но, видимо, подумал, что это начальница, поэтому поворачиваться не торопился, а делал вид, будто очень занят.

– Здравствуйте, – сказала я.

Ну, теперь он должен понять, что это ребенок. Яков Семенович оглянулся и удивленно посмотрел на меня. Наверное, не ждал уже. И не знал, чего вообще от меня ждать: вдруг я какая-нибудь неуравновешенная, чуть что – кулаками машу? Но все-таки он смотрел довольно доброжелательно и оценивающе, словно делал для себя пометки: топчется на пороге, глаза не красные, на ладонь прилеплен пластырь.

– Здравствуйте-здоровствуйте. Хотите все-таки записаться на карате? – усмехнулся он.

– Нет, хочу записаться в библиотеку, Яков Семенович. Можно?

– Раз так, пошли записываться, – кивнул Яков Семенович.

вич. – Кого записывать будем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.